

ВСМ

ВИКТОР

ПРОНИН

ВЫИГРЫВАТЬ

НАДО УМЕТЬ

Виктор Пронин
Солнечный поцелуй

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Солнечный поцелуй / В. А. Пронин — «Эксмо»,

Мастер острого сюжета, закрученной интриги, точных, а потому и убедительных подробностей, достаточно вспомнить знаменитого «Ворошиловского стрелка» или непревзойденную криминальную сагу «Банда», Виктор Пронин великолепно владеет трудным жанром рассказа. В его рассказах есть место и для хитроумной «сыщицкой» головоломки, и для лиричного повествования о непростых отношениях между мужчиной и женщиной, и для исследования парадоксов человеческого характера. Словом, жизнь – штука непредсказуемая, ведь никогда не знаешь, что ждет тебя в любой следующий миг. Но в этом-то и самый интерес...

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Солнечный поцелуй

Когда подошла третья неделя без солнца, Андрей почувствовал, что выдохся. Какая-то гнетущая усталость сковывала не только движения, но даже мысли, желания. В такие дни Андрей напоминал боксера, который потерял силы, тянет время, повиснув на кулаках противника. Он пытался исправно выполнять свою работу, но его хватало лишь на то, чтобы вовремя прийти в редакцию. Он почти не видел людей, с которыми ехал в автобусе, не замечал домов, мимо которых проходил, не ощущал ни погоды, ни времени суток. На душе была засуха, а вокруг простиралась пустыня, хотя рядом могли смеяться, рядом шумели на ветру листья, гудел басовитый прибор. И тогда Андрей шел к заву и отпрашивался в командировку.

Скорее всего дело было в зиме, в слишком долгой зиме. Андрей уже не помнил, когда она началась, а о весне даже говорить было неприлично. Шел январь. Не торопясь, вразвалку, прекрасно понимая, что всем надоел, зная, что за ним волокутся февраль, март, апрель и что они будут ничуть не лучше.

А возможно, дело было в том, что он попросту засиделся в отделе. Требовалась перебивка. Командировка. Вырываясь из редакции, он за день-два выполнял задание и приставал к геологам, рыбакам, пограничникам, иногда забираясь с ними в места, где до него не бывал ни один газетчик. И несказанно радовался, если командировка неожиданно затягивалась. Тогда летели в редакцию радостно-панические телеграммы: «В связи со стихийным бедствием и невозможностью вылететь прошу продлить...»

В командировках время шло с другой скоростью, отношения с людьми не были определены столь жестко, как в городе, да и сам он отличался от себя же, сидящего в отделе, нахолившегося и печального. Командировка приводила Андрея в радостное, тревожное состояние, запомнившееся ему еще с детства, когда самая обыкновенная поездка на трамвае становилась праздником, пассажиры казались путешественниками, а незнакомые названия улиц волновали, будто кондуктор объявлял не остановки, а названия стран.

Постояв у окна, потолкавшись в коридоре, Андрей решил наконец зайти к низкорослому, с залысиной шефу промышленного отдела. Имя у зава было длинное и церемонное – Константин Константинович. Оно, видимо, ему самому не нравилось, во всяком случае, у зава не всегда хватало терпения дослушать спотыкающиеся слоги имени до конца, и он частенько поторапливал: «Ну-ну!» Поэтому многие в редакции произносили его имя в конце, когда все уже было сказано.

– Мне бы в командировку, – сказал Андрей, падая в низкое кресло, – Константин Константинович.

– Зачем? Посмотри, какая погода! Засядешь в какой-нибудь дыре на пару недель...

– Авось, – протянул Андрей, почти не веря в такую счастливую возможность.

– Хорош гусь! А строчки кто будет сдавать? – Зав проницательно склонил голову, и его лысина отразила рукописи на столе. – Расскажи читателю о славных делах островитян, о том, как они борются со стихией, как выполняют производственные планы...

– Вы знаете, сколько строчек я сдал за последние три дня?

– Знаю. Сто. Но ты еще что-то пишешь?

– Письма на материк... Да все ни одного закончить не могу. Я же не говорю, что мне хочется в командировку, мне надо, Константин Константинович.

– Да, – зав потер лысину от одного уха до другого, отчего жидкие прядки вздыбились. – Тяжелый случай. В Синегорск поедешь?

– Константин Константинович!

Андрей выехал, когда уже начался буран. Мело вовсю, и мотриса останавливалась через каждые несколько километров, упираясь в снежные заносы. Машинисты спешили, надеясь проскочить обратно в тот же день, не зная, что вряд ли им удастся вернуться и через неделю. Андрей сидел в холодном вагоне, вжавшись в угол, подняв воротник куцего, еще материковского пальто и сунув руки в карманы. Он расслабленно смотрел в окно, не видя ничего, кроме несущегося снега, потом переводил взгляд на подоконник – снежная пыль как-то проникала сквозь двойные рамы, и маленькие сугробики внутри вагона даже не таяли. Несколько человек в разных углах вагона сидели молча, боясь, что очередной занос окажется непроходимым и ночевать придется здесь, в этом мерзлом железном вагоне. До Синегорска мотриса все-таки добралась. Едва открылась дверь, как тамбур тут же наполнился снегом, ветром, в него будто ворвалось какое-то белое суматошное существо. Спрыгнув со ступеньки, Андрей сразу оказался по пояс в снегу. Мотриса дернулась, закричала загнанно и скрылась в снежном мареве. И лишь тогда в нескольких шагах Андрей увидел маленькую темную фигурку. Он подошел, пригнувшись, заглянул в лицо.

– Не меня встречаете? – спросил Андрей.

– В вагоне больше никого не было? – голос девушки показался ему чуть сипловатым.

– Ребята какие-то ехали... Но им дальше.

– Родители должны были вернуться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.